

Лексико-грамматическое окружение и его влияние на форму падежа существительного

И. Е. Ким

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Аннотация. Данная статья посвящена описанию влияния на падежное оформление существительного слов, образующих его лексико-грамматическое окружение. В эпоху «ослабления падежных функций» (М. Я. Гловинская) строгая структурная зависимость падежной формы от требований синтаксически доминирующего слова все чаще уступает место совокупному влиянию всего лексико-грамматического окружения, приводящему к выбору активным речедееателем неправильной падежной формы. В статье рассматриваются все потенциальные элементы лексико-грамматического окружения существительного, способные повлиять на выбор его падежной формы, а также приводятся факты их консолидированного или противоречивого влияния, создающего проблему выбора.

Ключевые слова: антиномии языка, склонение существительного, грамматическая омонимия, активные процессы в современном русском языке, ошибки в употреблении падежа, синтагматика, линейное падежное согласование.

УДК 811.161.1; 81.366.54; 81.367.4

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-129-151

Контактная информация: Ким Игорь Ефимович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия, kim@philology.nsc.ru)

Ким И. Е. Лексико-грамматическое окружение и его влияние на форму падежа существительного // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 129–151.

Я полагаю, что всякое языковое выражение подвержено действию разнонаправленных сил, которые можно представить в форме антиномий. Одной из них является антиномия экспансии и давления, которые отражают соответственно центробежную и центростремительную силы, действующие на языковые единицы в потоке речи и в составе текста.

Сформулируем эту антиномию.

Тезис 1. Будучи выделенным в составе синтагмы, языковое выражение стремится расширить свое существование за счет других языковых выражений, в том числе поглотить их, тем самым увеличившись за их счет, и/или навязать им удобное для него поведение.

Тезис 2. Будучи выделенным в составе синтагмы, языковое выражение подвергается давлению со стороны соседних языковых выражений, которое заключается в том числе в стремлении поглотить его, заставить его сузиться и/или навязать ему удобное для них поведение.

Таким образом, во взаимодействии языковых выражений в синтагматике наблюдается взаимный антагонизм.

Источником появления этой антиномии я считаю парадигму науки Нового времени, в рамках которой наблюдается стремление выделять объекты, строго задавая их границы. При таком подходе мы обнаруживаем языковое выражение и его окружение, также образуемое языковыми выражениями. В общетеоретическом смысле такое выделение объекта в мире неизбежно приводит к коллизии экспансии и давления. Происходит это потому, что, выделяя из непрерывности бытия объект, мы разрушаем его связи со средой. Этот разрыв имеет отчасти умопостигаемую природу, но мыслится как факт объективной реальности. При этом происходит то, что мы можем наблюдать в мире «первобытного» человека в теории сопричастности Л. Леви-Брюля [1994]: одна сторона логически разрываемой связи нами помещается внутрь объекта, а другую сторону мы оставляем среде. Объект стремится к целостности и притягивает к себе другую часть связи с фрагментами среды, осуществляя экспансию. Аналогично и среда стремится оторвать от объекта привязанный к нему фрагмент связи с частью самого объекта, формируя давление на объект и сжимая его наподобие куска шагрени.

Рассмотрим феномен давления на примере падежа существительного, переживающего, как считает М. Я. Гловинская, время «ослабления падежных функций» [2000, с. 239]. Она обнаружила внутри тенденции к ослаблению падежных функций три более частных тенденции: «рост аналитических способов передачи падежных значений, использование неизменяемых форм слова в ущерб косвенным падежам, неправильный выбор падежа» [Там же].

В нашем случае рассмотрим тенденцию к неправильному выбору падежа, поскольку она реализуется внутри словоформы существительного и связана с выбором флексии под давлением среды.

Падеж представляет собой словоизменятельную морфологическую категорию, представленную на уровне языковой системы шестью граммемами¹. Так, в составе лексемы стандартного существительного *остров* как совокупности форм словоизменения можно выделить шесть граммем падежа, каждая из которых формируется двумя числовыми формами единственного и множественного числа: И. *остров* / *острова́*, Р. *острова* / *островов*, Д. *острову* / *островам*, В. *остров* / *острова́*, Т. *островом* / *островами*, П. *острове* / *островах*.

Однако при исследовании синтагматики более удобной единицей описания оказывается не граммама, а словоформа, относимая к конкретной падежной и конкретной числовой граммемам. Это связано, помимо всего прочего, с некоторыми особенностями падежно-числовой парадигмы существительного, а также других имен и местоимений, характеризующейся локальной асистемностью и нерегулярностью.

Асистемность падежной парадигмы может быть индивидуальной или групповой, например, наличие лакун, часто объясняемых семантикой конкретного существительного, его морфонологическими или синтаксическими особенностями, а также прагматикой его употребления.

Морфонологические проблемы можно проиллюстрировать затрудненностью употребления формы родительного падежа множественного числа некоторых существительных. Так, В. Н. Рябов отмечает, что часто затруднено использование формы родительного падежа множественного числа с нулевой флексией существительных с односложной (редко двусложной или неслоговой) основой: «В “Грамматическом словаре” А. А. Зализняка отмечено 13 существительных ж(енского). р(ода). (*мзда, мгла, пенька, треска, майя, райя* и т. д.), не имеющих во мн(ожественном). ч(исле). только формы Р(одительного). п(адежа).» [Рябов, 1997, с. 16]. Он отмечает также, что «от ряда существительных (*айва, балда, иго, кума, мольба, тетива* и т. д.) образование формы мн(ожественного). ч(исла). в Р(одительном). п(адеже). носит хотя и допустимый, однако заметно затруднительный характер. Объясняется это тем, что употребление их в Р(одительном).

¹ Представление о граммеме (термин К. Пайка, см., например, [Pike, 1957]) как компоненте языкового уровня для описания морфологической категории тотально и последовательно было использовано А. В. Бондарко в работе [1976], хотя широкое использование этого термина мы находим раньше, в книге А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» [1967]. Описание граммема у А. А. Зализняка имеет скорее «признаковый», чем субстанциональный характер, хотя общее понимание близко к использованию термина в теории морфологической категории А. В. Бондарко, согласно которому граммама представляется как ряд грамматических форм слова, объединенных частным грамматическим значением в составе категориального значения. В этом понимании граммама оказалась реальной единицей выражения, на уровне языка репрезентирующей это частное грамматическое значение в составе всей совокупности форм словоизменения данного слова.

п(адеже)., единственном из всех падежей, ведет к уменьшению количества слогов в и так немногосложных словах, доводя их число зачастую и до одного, что не способствует вовлечению их в активный речевой (как устный, так и письменный) процесс» [Рябов, 1997, с. 17].

Пример синтаксического ограничения на употребление формы именительного падежа – запрет на форму именительного падежа анафорических по своей функции возвратного местоимения *себя* и взаимного местоимения *друг друга* (и *друг дружки*). Специфика употребления этих местоимений заключается в том, что они не могут занимать позицию подлежащего, оформляемую именительным падежом (см. [Падучева, 1983; 1985] и др.). Кроме того, аналитическое местоимение *друг друга* (*друг дружки, один другого*) содержит потенциальную форму именительного падежа *друг (один)*, блокирующую употребление этой формы у второго компонента.

Влияние прагматики на сужение падежной парадигмы можно показать на примере слов *щец, дровец* (В. Н. Рябов также отмечает слово *дрожжец* [1997, с. 17]), у которых употребляется только форма родительного падежа множественного числа. Наблюдения над неразмерной семантикой диминутивов (см. [Столярова, 1983, с. 33; Козловская, 1996, с. 426–433; Вежбицкая, 1997, с. 89–200; Воротников, 1999, с. 64–65; Ким, 2009, с. 108–112] и др.) показывают, что в случае употребления диминутива не в значении ‘маленький’ он употребляется для формирования эмоционального отношения к обозначаемой реалии, говорящему или коммуникативной ситуации, чаще положительного. Слова *щец, дровец* и *дрожжец* предназначены для употребления в качестве диминутивов соответственно существительных *щи, дрова* и *дрожжи* в партитивном значении ‘некоторое количество’, важном в ситуации просьбы или предложения. Прагматическое ограничение связано с употреблением диминутива в функции актуализации или установления говорящим коммуникативного контакта и/или сопричастности со слушающим [Ким, 2009, с. 11–112].

Влияние семантики на отклонения в падежной парадигме можно показать на примере так называемого «превратительного» падежа [Милославский, 1989, с. 429], который обнаруживается в контексте Vf в $N_{|P|}^2$, со значением получения или присвоения социального статуса, чаще высокого, обозначаемого управляемым существительным, например: *произвели в генералы, разжаловал в рядовые, вышел в люди*. Необычность данной структуры заключается в том, что синтаксическая конструкция с предлогом в «предсказывает» (в терминологии В. А. Белошапковой) форму вини-

² В данном случае используется символическая запись для частей речи и грамматических форм, в которой Vf обозначает личную форму глагола, N – существительное, цифровые индексы задают номер падежа в традиционном порядке, индекс $|P|$ обозначает множественное число.

тельного падежа и теоретически не сочетается с именительным падежом. В то же время существительные со значением социального статуса являются одушевленными, поэтому форма винительного падежа совпадает у таких существительных с формой родительного падежа: *генералов, рядовых, людей*. Однако в данном случае на месте ожидаемой формы винительного-родительного падежа одушевленных существительных мы обнаруживаем форму винительного-именительного падежа. Объясняется такая неожиданная «неодушевленность» важным свойством существительных со значением социального статуса лица: в субстантивном употреблении они обозначают лицо или класс лиц, а в предикатном употреблении, не соотносимом с существующей в действительности реалией (см. [Падучева, 1979; 1985, с. 99 и далее]), они могут выражать социальный статус как таковой [Ким, 2010, с. 49; 2011, с. 197], т. е. обозначать социальное положение, которое в лингвистической семантике сопоставимо с состоянием. Это значит, что, подобно «гастрономической неодушевленности» существительных со значением животных (ср.: *ем устрицы*), имеет место «статусная неодушевленность» существительных со значением лица (*Он вышел в генералы*).

Помимо единичной или групповой асистемности, связанной с действием семантико-прагматических, синтаксических или морфонологических факторов, существует и регулярная асистемность, характеризующая типы субстантивного, а также адъективного, местоименного и нумеративного склонения, в которых наблюдается омонимия форм разных падежей. При этом такая омонимия не регулярна, в каждом типе склонения омонимичными оказываются формы разных падежей, хотя есть и пересечения. Таким образом, одна и та же флексия может принадлежать разным падежным формам одного и того же существительного или другого склоняемого слова [Ким, 2018].

Подробно представим факты омонимии падежных форм в таблице³. В ней названия падежей представлены начальной прописной буквой, а порядок перечисления омонимичных форм определяется традиционным порядком представления в падежной парадигме: ИРДВТП.

Среда языкового выражения характеризуется в терминах с широким значением: синтагматика, собственно окружение, дистрибуция и линейное положение, – а также более частных: синтаксическая связь, синтаксическая позиция, синтаксическая, семантическая валентность (сфера действия), синтаксическая, лексическая и семантическая сочетаемость. Будем избегать использования распространенного, но обладающего слишком широким значением термина *контекст*.

³ Таблица впервые опубликована в [Ким, 2018, с. 13]. В настоящей статье приводится с небольшими изменениями.

Падежные парадигмы имен и омонимичные формы в составе парадигм
 Paradigm of declension of Russian Nouns, Adjectives, and Numerals. Homonymous Case forms

Граммема	Образец	Падеж						Одушевленность / неодушевленность	Другие омонимичные формы
		именительный	родительный	дательный	винительный	творительный	предложный		
Единственное число 2 субстантивного типа	Сын / Село / Поле	-Ø / -о / -е	-а / -я	-у / -ю	-а / -я Ин: -Ø / - о / -е	-ом / -ем	-е	РВ / ИВ	Отсутствуют
Множественное число субстантивного типа	Жены, Отцы, Села, Матери, Крестьяне	-ы / -ы / -а / -и / - е	-Ø / -ов / -Ø / -ей	-ам	-Ø / -ов / -Ø / -ей	-ами / -ьми	-ах		
Мужской-средний род единственного числа адъективного типа	Умный / Умное	-ый / - ий / -ое / -ее	-ого	-ому	-ый / -ого	-ым	-ом		
Множественное число адъективного типа	Умные	-ые	-ых	-ым	-ые / -ых	-ыми	-ых	РП	

Окончание таблицы

Граммема	Образец	Падеж						Одушевленность / неодушевленность	Другие омонимичные формы
		именительный	родительный	дательный	винительный	творительный	предложный		
Числительные <i>два</i> (<i>три, четыре</i>)	Два	-а / -и / -е	-ух / -ех	-ум / -ем	-а / -и / -е / -ух / -ех	-умя / -емя / -ья	-ух / -ех	РВ / ИВ	РП
Единственное число 1 субстантивного типа	Жена	-а / -я	-ы / -и	-е	-у / -ю	-ой (-ою) / -ей (-ею)	-е	Не прояв- ляется	ДП
Единственное число 3 субстантивного типа	Мать, пять	-Ø	-и	-и	-Ø	-ью	-и	ИВ	
Нумеративный тип	Сто	-о	-а	-а	-о	-а	-а		РДТП
Женский род един- ственного числа адъективного типа	Умная	-ая / -яя	-ой / -ей	-ой / -ей	-ую / -юю	-ой / -ей	-ой / -ей	Не прояв- ляется	

Дихотомия *синтагматики* и парадигматики, наряду с некоторыми другими, наиболее популярными из которых являются дихотомии языка / речи и синхронии / диахронии, была предложена Ф. де Соссюром в «Курсе общей лингвистики» [1977]. Он предполагал наличие у языковых единиц двух разновидностей отношений – ассоциативных и синтагматических. Первые, иначе именуемые парадигматическими, «не опираются на протяженность, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык» [Там же, с. 156], вторые основаны «на линейном характере языка» [Там же, с. 155] и реализуются в актуальной последовательности аналогичных знаков [Там же, с. 156].

Русское существительное довольно подробно описано в плане парадигматики, прежде всего морфологической, хотя существуют исследования и деривационных парадигм существительных разных семантических классов (см. [Земская, 1973; Янценецкая и др. 1991] и др.), и системных отношений субстантивной лексики (синонимических, антонимических, омонимо-полисемических, паронимических и др.).

Понятие *синтагматики* в таком противопоставлении оказывается чересчур широким и годится для самой общей характеристики среды языкового выражения.

Понятие *окружения* является более конкретным, чем понятия контекста и синтагматики, поскольку предполагает обращение к языковым выражениям, находящимся в окрестности анализируемой языковой единицы. Тем не менее и это понятие имеет высокую степень неопределенности, которая ограничивается более специализированными понятиями, которые мы обсудим далее. Для описания окружения существительного в его падежной (точнее, падежно-числовой) форме будем пользоваться аналитическим понятием *лексико-грамматического окружения*, состоящего из слов в их морфологическом оформлении и / или в синтаксической позиции.

Понятие *дистрибуции*, введенное в американской дескриптивной лингвистике, представляет собой для языкового выражения определенного типа систематизированное множество потенциальных окружений, образованных языковыми выражениями этого же типа (см. [Апресян, 1966; 1967; Зализняк, 1967] и др.). Для слова это совокупность лексико-грамматических окружений. Дистрибуции можно обобщать, сравнивать и типизировать.

Падеж существительного в первую очередь подвержен влиянию лексико-морфологического и синтаксического окружения. Как форма реагирования существительного на окружение он тесно связан с лексическим и грамматическим наполнением последнего. Грамматическое наполнение (часть речи и морфологическая форма) в терминах смежных с морфологией разделов лингвистики связывается с понятиями синтаксической свя-

зи⁴ и синтаксической позиции⁵ в масштабе синтаксических единиц, а также синтаксической валентности⁶ и синтаксической сочетаемости⁷ в масштабе лексем и словоформ, а влияние лексического наполнения можно передать через понятия лексической⁸ и семантической⁹ сочетаемости. Это разделение на синтаксическую и лексическую сторону взаимосвязи слова и его окружения не является строгим.

Синтаксические связи существительного можно представить в виде сети, в которой само существительное, как правило, занимает не вершинную, но крайне важную позицию, находясь в подчинении у одних морфолого-синтаксических единиц и доминируя над другими. В структурном синтаксисе фрагменты такой сети называются деревом составляющих или деревом зависимостей [Апресян, 1966; Батура, Чаринцева, 2016]. Обычно дерево составляющих удобнее строить для языков с фиксированным порядком слов, а дерево зависимостей – для языков со свободным порядком слов, к которым относится и русский язык. Отличие второго от первого заключается в том, что в дереве зависимостей не учитывается или, точнее, учитывается не прямым образом положение языковых выражений [Батура, Чаринцева, 2016, с. 10–13].

В некоторых случаях использование разных падежных форм определяется возможностью альтернативного представления дерева зависимостей для одной и той же поверхностно-синтаксической структуры. Рассмотрим это на следующем примере:

То, что произошло сейчас с Huawei – это, по сути, полный запрет на выпуск смартфонов и планшетов конкретной китайской компанией¹⁰.

Кроме оформления творительным падежом для существительного *компания* в приведенной выше фразе допустимо оформление родительным падежом (*компании*). Однако в таком случае поменяется дерево зависимостей: доминирующим для этого выражения становится не существительное *выпуск* (Т+¹¹ с семантической валентностью агенса), а сочетание

⁴ [Белошাপкова, 1989, с. 539–570 и др.]

⁵ См., например, [Валгина, 2000].

⁶ См. [Кацнельсон, 1987; Теньер, 1988, с. 250; Cheremisina, 2008] и др.

⁷ См. [Чеснокова, 1968, с. 6–8; Шмелев, 1973; Котелова, 1975] и др.

⁸ См. [Апресян, 1974, с. 12; Котелова, 1975, с. 81] и др.

⁹ См. [Гак, 1998; Морковкин, 1990] и др.)

¹⁰ URL: <https://vz.ru/opinions/2019/5/25/979192.html?utmreferrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial> (дата обращения 27.05.2019). Здесь и далее сохранены авторские особенности (орфо)графического, пунктуационного и грамматического оформления письменных, печатных и электронных текстов.

¹¹ Знак «+» справа от символа падежа означает, что данное слово требует постановки существительного в указанной падежной форме, т. е. имеет синтаксическую валентность на обозначенный слева падеж. В дальнейшем информация о фор-

смартфонов и планшетов (P+ с семантической валентностью посессора). Но в других случаях альтернативное дерево зависимостей нарушает синтаксические связи и оказывается неприемлемой структурно-синтаксической интерпретацией фразы, например:

В ситуации, когда угрожать чем либо, кроме прямой военной интервенции и полной *заморозкой (заморозки) торгово-экономических отношений уже не чем, власти США вернулись к несколько заброшенной и изрядно заплывшей идее – отключения России от системы международных банковских переводов, иначе называемой SWIFT¹².

Употребление формы творительного падежа *заморозкой* оказывается в данном случае недопустимым, потому что связывает это существительное с глаголом *угрожать*, но при этом существительное *заморозка* находится в сочинительной связи со словом *интервенция*, зависимым от предлога *кроме*, строго предсказывающего родительный падеж (P+), которым должно оформляться и слово *заморозка*.

Дерево зависимостей отражает структурную зависимость словоформ. Вследствие свободного порядка слов в русском предложении – точнее, использования русского порядка слов для нужд не структурного, а актуального синтаксиса – в русском тексте нет однозначной связи между синтаксической ролью языкового выражения, его морфологическим оформлением и линейным положением.

Поэтому *линейное положение* компонентов лексико-грамматического окружения следует учитывать отдельно, с применением самостоятельной системы терминов. Эта система используется в теории анафоры и связности текста [Откупщикова, 1984, Тестелец, 1991] (ср. также [Новицкая, 1973] и др.) и включает в себя несколько важных параметров:

1) порядок следования языковых выражений: препозиция / постпозиция / интерпозиция компонента лексико-грамматического окружения по отношению к падежной форме существительного;

2) степень взаимной пространственной близости языковых выражений: контактность / дистантность;

3) расстояние, которое для изучения падежных форм мы будем измерять в словоформах. Этот параметр и параметр контактности / дистантности можно свести к расстоянию, измеряемому в словоформах: контактное положение количественно определяется величиной 0, любое другое число свидетельствует о дистантности.

ме падежа или падежном управлении обозначена символами в самом иллюстративном материале.

¹² URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e79db25f53487051fd634/rossiia-kak-ni-kogda-blizka-k-otkliucheniiu-ot-sistemy-mejdunarodnyh-bankovskih-perevodov-swift-5e48d26cf2e1004e8eff44a> (дата обращения 14.06.2020).

В некоторых (отдельно оговариваемых) случаях на падежную форму может оказывать влияние компонент лексико-грамматического окружения, расположенный в постпозитивном полупредикативном обороте или соседней предикативной единице (термин В. А. Белошапковой для обозначения части сложного предложения, конструктивно представляющей собой простое предложение).

Таким образом, можем обнаружить влияние окружения, задаваемое прежде всего организацией дерева зависимостей.

1. Доминирующее слово (вершина или доминирующий узел дерева зависимостей).

1.1. Управляющее слово, например:

Кто же выписывает (В+) четырехпроцентный раствор (ИВ) морфия? ¹³
(М. Булгаков. Записки юного врача).

1.2. Определяемое слово для приложения, например:

В театре (П) моей памяти – в живом, счастливом театре (П) – идет непрерывная премьера (В. Смехов. Театр моей памяти ¹⁴).

2. Предлог, например,

Из-за (Р+) плетней (Р) смотрели круглолицые подсолнухи, в (ВП+) горячей пыли (РДП) дороги купались воробьи – никого вокруг, ни одного человека (В. Шукшин. Приезжий).

Особенность предлога заключается в интерпретации его синтаксической роли. В дереве зависимостей предлог может располагаться в дуге связи, в позиции между доминирующим словом и существительным, или обрывает вершину дерева, которая доминирует над управляющим словом и над существительным. Противоречивость позиции заключается все-таки в разной семантической и структурно-синтаксической значимости: будучи семантическим предикатом более высокого уровня, чем глагол, в плане формальной и коммуникативной организации синтаксических единиц предлог оказывается служебным компонентом, имеющим низкий актуальный статус. Поэтому при стабильности падежной системы его роль все же можно оценить как вспомогательную и суммировать его с падежной формой, как это принято в нашей синтаксической традиции (ср. [Золотова, 1988]).

¹³ Здесь и далее падежно-числовая форма существительного подчеркивается одинарной чертой, а актуальный элемент лексико-грамматического окружения – двойной чертой.

¹⁴ URL: http://www.modernlib.ru/books/smehov_veniamin_borisovich/teatr_moey_ramuyati (дата обращения 22.02.2018).

Менее значимыми для выбора падежа являются следующие элементы окружения, равноправные с падежно-числовой формой существительного или зависимые от нее.

3. Однородные члены предложения, имеющие аналогичную падежную форму, например:

Я считаю всерьез, что мой одноклассник и кореш оказался моим Су-хомлинским (Т), Янушем Корчаком (Т), Макаренко – кем угодно (В. Смехов. Театр моей памяти).

Промежуточное положение между определяемым словом и однородным членом предложения занимает часть сложного собственного имени, образующая такое имя в сочетании с рассматриваемым существительным, ср. Янушем (Т) Корчаком (Т) в приведенном примере, а также обобщающее слово при однородных членах, см. кем угодно (Т) по отношению к Янушем Корчаком (Т).

4. Зависимые согласуемые слова, занимающие в дереве зависимостей более низкое положение и принимающие форму падежа рассматриваемого существительного.

4.1. Согласованное определение, например:

И каждый год одно и то же, а все не надоест человеку и все вдыхал бы и вдыхал этот горьковатый, прелый (ИВ) запах (В) дыма и талой (РДТП) земли (Р) (В. Шукшин. В профиль и анфас).

В обоих случаях прилагательные имеют омонимичные падежные флексии, но один из омонимичных падежей совпадает с падежом существительного. Аналогично ведет себя приложение, например:

Я подымался по чугунной лестнице, видел профили воинов в шлемах и грозные мечи под ними на барельефах, старинные печи(ИВ)-голландки(ИВ) с отдушниками, начищенными до золотого блеска (М. Булгаков. Театральная история).

4.2. Формы косвенных падежей числительного, например:

В пяти (РДП) шагах (П) еще ничего не было видно (В. Шукшин. Охота жить).

В разряд зависимых согласованных слов не попадают анафорические местоимения, многие из которых согласуются с существительным-антецедентом, но только в числе и (при наличии) роде, но не в падеже, который у анафорического местоимения определяется его отношениями с компонентами той предикативной единицы, в которой оно находится, например:

Дело в том, что еще в состоянии окоченения я успел произвести целый ряд (Р+) действий (Р), которых (Р) потребовала (Р+) сама жизнь (М. Булгаков. Записки юного врача).

Отметим как часть лексико-грамматического окружения и элементы пространственного окружения, не связанные с падежно-числовой формой существительного синтаксической связью.

5. Контактно расположенное слово, например:

Кажется, не зная (Д+; Р+) таким рукам (Д) усталости (РДП), и Семка так, для куража, орет (В. Шукшин. Мастер).

6. Ближайшая или просто близко расположенная препозитивная падежная форма, например:

Я описал сонную выюгу. Постарался изобразить, как поблескивает под лампой (Т) с абажуром (Т) бок рояля (М. Булгаков. Театральный роман).

В данном случае оформление творительным падежом обоих существительных никак не связано и определяется предложным управлением разных слов.

7. Ближайшая или просто близко расположенная постпозитивная падежная форма, например:

Увлёкся музыкой, и не столько занятиями с учительницей (Т), сколько залом (Т) Консерватории и тем, что звучало по радио (В. Смехов. Театр моей памяти).

Тенденция к ослаблению падежных функций, проявившаяся в русском языке рубежа XX–XXI вв., привела к тому, что снижается роль структурного принципа падежного оформления существительного. Дерево зависимостей, определявшее форму падежа существительного, во многих случаях перестает работать интуитивным критерием для падежного оформления, в результате чего на форму падежа начинают влиять разные, в том числе не учитывавшиеся ранее, элементы окружения, и это влияние часто приводит к ошибочному падежному оформлению существительного.

Каждый из перечисленных выше элементов лексико-грамматического окружения способен повлиять на выбор падежной формы существительного.

1. Доминирующее слово.

1.1. Управляющее слово, например:

Мировые СМИ были поражены *смелости (РДП) и некоторой *дерзости (РДП) русского военного летчика, а также добавили, что подобный маневр уже исполнялся в фильме Томом Крузом и был назван “TopGun”¹⁵.

Унификация падежа при предикатах эмоциональной оценки приводит к довольно регулярному выбору дательного падежа вместо творительного.

¹⁵ URL: https://zen.yandex.ru/media/war_correspondent/manevr-topgun-russkii-letchik-su27-ispolnil-bochku-a-amerikanskomu-pilotu-ostavalos-lish-nabliudat-5d099680711d5f00af2fb033 (дата обращения 27.06.2019).

1.2. Определяемое слово, например:

Встречайте (В+) шестиколесный грузовой внедорожник(ИВ)-*амфи-бия(И) «Бурлак»¹⁶.

В данном случае к влиянию согласуемых определений *шестиколесный* и *грузовой* с омонимией именительного и винительного падежей добавляется влияние первого члена аппозитивного сочетания *внедорожник*, который характеризуется такой же омонимией.

2. Предлог, например:

И он построил (в П+) свою карьеру в (ВП+) *Голливуд с нуля¹⁷.

Предлог *в* сочетается и с винительным, и с предложным падежом существительного. Выбор падежной формы автором случаен и определяется короткой сферой действия, ограниченной близко стоящим предлогом, а не глаголом *построить*, который находится за три словоформы от управляемого существительного.

Немец читает газету «Чеченцы и турки устроили (на П+) драку (на П+) на (ВП+) *дискотеку»¹⁸.

По аналогии с предыдущим примером, предлог *на* способен сочетаться с формами винительного и предложного падежей. Вопреки управлению глагола *устроить* и/или существительного *драка* существительным пространственной или событийной семантики в предложном падеже с предлогом *на*, существительное *дискотека* оформлено в «разрешенном» предлогом *на* винительном падеже.

3. Однородный член, например:

Диссертационное сочинение включает в себя три содержательные главы, из которых первая посвящена теоретическому освещению семантики неконтролируемости, во второй главе рассматривается отношение неконтролируемости к (Д+) основным грамматическим категориям глагола: виду (Д), времени (РДП) и *наклонения (Р) (Черновик рецензии. Архив автора. 2007).

Существительное *время* относится к 3 типу субстантивного склонения, вследствие чего у него омонимичны формы родительного, дательного и предложного падежей единственного числа. В однородном ряду существительные *вид*, *время* и *наклонение* должны принять форму дательного падежа единственного числа. Однако вследствие ослабления падежной

¹⁶ URL: <http://www.lgai.ru/vnedorozhniki/516575-novy-luchshiy-v-mire-rossiyskiy-gruzovik.html> (дата обращения 25.07.2019).

¹⁷ URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a631bd89b403c54425785bb/aktery-kotorye-ne-vypivali--5b63e7e6777d500a840d0d1?from=feed> (дата обращения 05.08.2018).

¹⁸ URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5bc240574414ed00aa22340c/goriachaia-desiatka-anekdotov-mesiaca-37-5cb04c9bddae5a00b30d21cd> (дата обращения 28.04.2019).

функции автор согласует слово *наклонение* с формой слова *времени*, случайным образом оформив *наклонение* родительным падежом.

Исходя из этих характеристик и из представления о «среднем уровне» восприятия той или иной среды носителями языка выделяется (И+) «общий язык» (ИВ) (без социальных оттенков), *«письменную речь» (В) (выше среднего уровня) и *«устную речь» (В) (ниже такового) (Черновик диссертации. Архив автора. 13.05.2017).

В этой фразе существительные *язык* и *речь* должны оформляться именительным падежом, как того требует возвратная глагольная форма *выделяется*, однако сама форма существительных *язык* и *речь* не отражает различия именительного и винительного падежей. Падежная форма уточняется согласуемыми определениями *письменную* и *устную*. Винительный падеж сочетаний *письменную речь* и *устную речь* спровоцирован омонимией винительного и именительного падежей сочетания *общий язык*, с которым случайным образом согласуются оба последующих однородных члена.

На основании всего мы определяем вспомогательные действия как – определенную систему поступков, используя которые, индивид или социальная группа оказывает воздействие на других индивидов (РВ) или *групп (Р) (Курсовая работа (до правки). Архив автора. 2014).

В данном случае одушевленность существительного *индивид* (омонимия родительного и винительного падежей) повлияла на оформление родительным падежом множественного числа согласованного с ним неодушевленного существительного *группа*.

4. Зависимое слово, например:

Во время приветственного рукопожатия президент Таджикистана был готов, что Трамп в очередной раз постарается дернуть (В+) своего (РВ) *коллеги (Р) к себе¹⁹.

В данной фразе происходит так называемое линейное падежное согласование определения и определяемого, при котором не определение уподобляется в падеже определяемому, а слово, стоящее правее, уподобляется в падеже слову, стоящему левее [Ким, 2018, с. 15]. При этом наблюдается интересное взаимодействие согласованного прилагательного и постпозитивного существительного. Прилагательное заранее среагировало на одушевленность существительного, которое должно было последовать за прилагательным, и приняло падежную форму родительного-винительного падежа, но существительное, вместо того чтобы приобрести форму винительного падежа, определяемую управляющим глаголом *дернуть*, линейно согласуется с прилагательным и случайным образом принимает форму родительного падежа.

¹⁹ URL: <https://newinform.com/59140-poyavilos-video-kak-tramp-proigral-rahmonu-v-peretyagivanii-kanatov> (дата обращения 06.06.2017)

До нашего времени, стоит или стоял, на вооружении более чем в (ВП+) сорока (РДТП) *государств (Р) мира²⁰.

Числительное *сорок* обладает двухчленной падежной парадигмой с омонимией родительного, дательного, творительного и предложного падежей. Существительное *государство* согласуется с ним случайным образом в родительном падеже вместо предложного. Возможно, однако, что автор оценил синтаксическую связь числительного и существительного как управление. Еще одним фактором употребления родительного падежа существительного может быть наличие частицы *более чем*, которая не организует синтаксической связи, но может быть автором оценена как предлог *более*, сочетающийся с родительным падежом существительного. Есть и третье возможное объяснение ошибки: автор мог не учесть наличие предлога *в*, опущение которого не делает фразу некорректной: *на вооружении более чем сорока государств мира*.

5. Контактное расположенное слово, например:

Из лежащей на крыше (П) *машине (ДП) 76-летнего Баха извлекли оказавшиеся поблизости туристы и доставили его в больницу, передает ИТАР-ТАСС²¹.

Дерево зависимостей устроено таким образом, что существительные *крыша* и *машина*, первое из которых управляется причастием *лежащие*, а второе доминирует над этим причастием, не связаны никакой синтаксической связью, однако их соположение приводит к тому, что слово *машина*, находящееся контактно правее слова *крыша*, согласуется с ним в падеже.

Высокая популярность объясняется отличным соотношением (Р+) цены (Р) и качество (ИВ), которое (ИВ) гораздо лучше другого помпового оружия, представленного на отечественном рынке²².

В данном случае падежное оформление анафорического местоимения *который*, согласованного с существительным *качество* в роде и числе, но находящегося в другой предикативной единице и имеющего в ней форму падежа, определяемого синтаксической позицией местоимения, вопреки системе синтаксических связей повлияло на оформление и существительного-антецедента.

6. Ближайшая или просто близко расположенная препозитивная падежная форма. Мы уже обсуждали пример *Немец читает газету «Чеченцы и турки устроили драку на *дискотеку»*, в котором существительное *дискотека* оформлено, как ближайшее слева существительное *драка*.

²⁰ URL: <https://zen.yandex.ru/media/legenda/gvozdika-otvet-samohodkam-nato-5b13878f3dceb77c72846bb2> (дата обращения 06.05.2018).

²¹ URL: <http://newsru.com/world/02sep2012/bash.html> (дата обращения 02.09.2012).

²² URL: <https://militaryarms.ru/oruzhie/vintovki/bekas/> (дата обращения 12.08.2018).

7. Ближайшая или просто близко расположенная постпозитивная падежная форма, например:

...Многие заметили, что помимо (P+) нормативного (P) *варианте (П) в Донбассе (П) и из Донбасса в литературной речи начал распространяться вариант на Донбассе и с Донбасса... (Черновик диссертации. Архив автора. 01.06.2017).

В данном случае существительное *вариант* согласуется в падеже и имеет омонимичную падежную флексию с постпозитивным существительным *Донбасс*, которым сложным образом управляет. Аналогичное согласование видим в примере

Обратится к заведующими секторами (Устная речь. Канд. филол. наук. Архив автора. 17.09.2018).

Такое предваряющее согласование может происходить и с субстантивированными адъективными формами, например:

О (П+) произошедшим (Т) с Керченским (Т) мостом (Т) говорят (о П+) не только в России²³.

Внешнее формальное уподобление флексии может привести и к совершенно неуместной падежной форме:

Ценой нескольких *сотней (сотен) жизней подпольщиков были спасены тысячи жителей Лондона и других городов, которые немцы обстреливали «оружием возмездия»²⁴.

В данном случае точное уподобление флексии привело к употреблению формы творительного падежа единственного числа существительного *сотня* вместо формы родительного падежа множественного числа.

Как видим, в настоящее время вместо единственного структурного фактора выбора падежа, задаваемого организацией дерева зависимостей, уже очень часто действует целая серия факторов, носящих вероятностный характер. Рассмотрим фразу:

Прямо из салона вылез то ли косяк, то ли конструктивная особенность – в мороз, на холодной машине, в районе раздатки появляется криминальный звук, что-то среднее между хрустом (P+; Т) убитой (РДТП) *«гранатой» и работой (Т) АБС²⁵.

²³ URL: http://glavnoe.io/news/957-belokurye-chudovishcha-kak-voevali-nemki-protiv-kr.html?utm_source=test_24smi&utm_medium=cpc&utm_content=1205658&utm_term=10528 (дата обращения 29.07.2020).

²⁴ URL: https://vk.com/history_porn?w=wall-68995594_99843 (дата обращения 11.10.2016).

²⁵ URL: <https://wroom.ru/story/id/31777> (дата обращения 26.12.2028).

Существительное *хруст* управляет родительным падежом, но само стоит в творительном падеже, при этом причастие *убитый* стоит в форме родительного-дательного-творительного-предложного падежа и находится в непосредственной близости от анализируемого существительного *граната*, справа от которого – существительное *работа* также в форме творительного падежа. Комбинация факторов сыграла в пользу оформления существительного *граната* творительным падежом.

Таким образом, вся синтагматика существительного, включающая доминирующие, равноправные и зависимые элементы лексико-грамматического окружения и просто близко или контактно расположенные языковые выражения, в период расшатывания падежной системы существительного становится фактором выбора падежной формы, теряющего строгую зависимость от конструктивно-синтаксической организации фразы и получающего опору в максимально узком микроконтексте, в случайном соположении языковых выражений, в формальном сходстве финали словоформы, что является демонстрацией давления лексико-грамматического окружения на падежную форму существительного.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966. 301 с.

Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.

Батура Т. В., Чаринцева М. В. Основы обработки текстовой информации: Учеб. пособие / Ин-т систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН. Новосибирск, 2016. 45 с.

Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. С. 532–792.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. М.: Агар, 2000. 416 с.

Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Рус. словари, 1997. С. 33–88.

Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М.: Азбуковник, 1999. 281 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования М.: Языки русской культуры, 1998. 763 с.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 237–304.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высш. шк., 1973. 304 с.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.

Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.

Ким И. Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: Монография. Красноярск: Изд-во СФУ, 2009. 325 с.

Ким И. Е. Социальные субъекты: принципы номинации // Вестник Новгород. гос. ун-та. Серия: Филология. История. 2010. № 57. С. 47–51.

Ким И. Е. Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 192–199.

Ким И. Е. Тенденция к разрушению русской падежной системы и предсказуемость синтаксической связи в теории синтаксиса В. А. Белошапковой // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 51. С. 9–24. DOI 10.17223/19986645/51/2

Козловская Т. Л. Общественно-групповая оценка употребления уменьшительно-ласкательных образований в речи носителей современного русского языка // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 425–436.

Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л.: Наука, 1975. 64 с.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

Милославский И. Г. Морфология // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. С. 532–792.

Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 72 с.

Новицкая И. М. К синтаксису связного текста (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 22 с.

Откупщикова М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте: Учеб. пособие / Ленингр. ун-т. Л., 1984. 87 с.

Падучева Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // Науч.-техн. информ. Серия 2. 1979. № 9. С. 25–31.

Падучева Е. В. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1983. Вып. 21. С. 3–33.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.

Рябов В. Н. Русские интраязыковые лакуны (формально-семантический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1997. 42 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 7–285.

Столярова Э. А. Существительные // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка: Лексика. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. С. 21–48.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с фр. / Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М., 1988. 656 с.

Тестелец Я. Г. Рефлексивизация и типология анафоры // Типология грамматических категорий: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Л., 1991. С. 47–48.

Чеснокова Л. Д. Грамматическая сочетаемость слов в простом предложении и факторы, обуславливающие ее // Сочетаемость языковых единиц. Ростов н/Д, 1968. С. 5–22.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 244 с.

Янценецкая М. Н., Лебедева Н. Б., Грушко Н. Е. и др. Семантические вопросы словообразования. Значение производящего слова. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 272 с.

Cheremisina M. I. How the Predicate Valence Forms the Basic Simple Sentence // Журнал СФУ. Гуманитарные науки, 2008. Т. 1, № 2. С. 184–192.

Pike K. L. Grammatic Theory in Reference to Restricted Problems of Morpheme Classes // International Journal of American Linguistics. 1957. Vol. 23, no. 3 (Jul.). P. 119–128. DOI 10.1086/464406

Article metadata

Title: Lexical and Grammatical Environment and Its Influence on the Noun Case Form in Russian Language

Author: I. E. Kim

Author's e-mail: kim@philology.nsc.ru

Author's affiliation: Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. This article is devoted to a new phenomenon in modern Russian language. Earlier, a native speaker of Russian chose a noun case form depending on the “requirements” of the grammatically dominant word. Nowadays, more and more often, a native speaker chooses a noun case taking into account the influence of several words included in its lexical and grammatical environment. The article discusses in detail all the potential elements of the lexical and grammatical environment of a noun that can influence on the choice of its case form, and provides facts of their consolidated or contradictory influence, which creates a choice problem. The lexical and grammatical environment of a noun potentially includes a controlling word, homogeneous terms of a sentence and generalizing word for them, a preposition that can be combined with several case forms, an adjective, participle or number dependent on the noun, as well as other nouns nearby. Each of the elements of the environment influences the choice of case in its own way, so the speaker often chooses a case form incorrectly. The phenomenon illustrates the antinomy of language: 1) being singled out as part of a syntagm, a linguistic expression seeks to expand its existence at the expense of other linguistic expressions; 2) being singled out as part of a syntagm, a linguistic expression is subjected to pressure from neighboring linguistic expressions

Key terms: antinomies of the language, declension of a noun, grammatical homonymy, active processes in modern Russian, mistakes in the use of noun case, syntagmatics, precede-and-command principle of case agreement.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-129-151

Reference literature (in transliteration):

Apresyan Yu. D. *Idei i metody sovremennoy strukturnoy lingvistiki (kratkiy ocherk)*. Moscow, 1966, 301 p. (in Russ.)

Apresyan Yu. D. *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola*. Moscow, 1967, 251 p. (in Russ.)

Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow, 1974, 367 p. (in Russ.)

Batura T. V., Charintseva M. V. *Osnovy obrabotki tekstovoy informatsii: Ucheb. posobiye*. Novosibirsk, 2016, 45 p. (in Russ.)

Beloshapkova V. A. *Sintaksis*. In: *Sovremenny russkiy yazyk*. 2nd ed. Moscow, 1989, p. 532–792. (in Russ.)

Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy*. Leningrad, Nauka, 1976, 255 p. (in Russ.).

Cheremisina M. I. How the Predicate Valence Forms the Basic Simple Sentence. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*, 2008, vol. 1, no. 2, p. 184–192.

Chesnokova L. D. Grammaticheskaya sochetayemost' slov v prostom predlozhenii i faktory, obuslovlivayushchie ee. In: *Sochetayemost' yazykovykh edinits*. Rostov on Don, 1968, p. 5–22. (in Russ.)

Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* Moscow, 1998, 763 p. (in Russ.)

Glovinskaya M. Ya. Aktivnyye protsessy v grammatike (na materiale innovatsiy i massovykh yazykovykh oshibok). In: *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya* (1985–1995). 2nd ed. Moscow, 2000, p. 237–304. (in Russ.)

Katsnelson S. D. K ponyatiyu tipov valentnosti. *Voprosy yazykoznaniya*, 1987, no. 3, p. 20–32. (in Russ.)

Kim I. E. Lichnaya sfera cheloveka: struktura i yazykovo voploshchenie. Krasnoyarsk, 2009, 325 p. (in Russ.)

Kim I. E. Sotsial'nyye sub'ekty: printsipy nominatsii. *Vestnik of Novgorod State Uni. Series: Philology. History*, 2010, no. 57, p. 47–51. (in Russ.)

Kim I. E. Tri sposoba modelirovaniya sotsial'nykh realiy v sovremennom russkom yazyke. *Siberian Journal of Philology*, 2011, p. 192–199. (in Russ.)

Kim I. E. Tendentsiya k razrusheniyu russkoy padezhnoy sistemy i predskazuemost' sintaksicheskoy svyazi v teorii sintaksisa V. A. Beloshapkovoy. *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philology*, 2018, no. 51, p. 9–24. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/51/2

Kotelova N. Z. Znachenie slova i ego sochetaemost' (k formalizatsii v yazykoznanii). Leningrad, 1975, 64 p. (in Russ.)

Kozlovskaya T. L. Obshchestvenno-gruppovaya otsenka upotrebleniya umen'shitel'no-laskatel'nykh obrazovaniy v rechi nositeley sovremennogo russkogo yazyka. In: *Kul'tura russkoy rechi i effektivnost' obshcheniya*. Moscow, 1996, p. 425–436. (in Russ.)

Levi-Bruhl L. Sverkh''estestvennoye v pervobytnom myshlenii. Moscow, 1994, 608 p. (in Russ.)

Miloslavskiy I. G. Morfologiya. In: *Sovremenny russkiy yazyk*. 2nd ed. Moscow, 1989, p. 532–792. (in Russ.)

Morkovkin V. V. Osnovy teorii uchebnoy leksikografii. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 1990, 72 p. (in Russ.)

Novitskaya I. M. K sintaksisu svyaznogo teksta (na materiale nemetskogo yazyka): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1973, 22 p. (in Russ.)

Otkupshchikova M. I. Mestoimeniya sovremennogo russkogo yazyka v strukturno-semanticheskom aspekte: Ucheb. Posobiye. Leningrad, 1984, 87 p. (in Russ.)

Paducheva E. V. Denotativny status imennoy gruppy i ego otrazhenie v semanticheskom predstavlenii predlozheniya. *Nauch.-tekhn. inform. Series 2*, 1979, no. 9, p. 25–31. (in Russ.)

Paducheva E. V. Vozvratnoye mestoimeniye s kosvennym antetsedentom i semantika refleksivnosti. In: *Semiotika i informatika*. Moscow, VINITI, 1983, iss. 21, p. 3–33. (in Russ.)

Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy). Moscow, Nauka, 1985, 271 p. (in Russ.)

Pike K. L. Grammatic Theory in Reference to Restricted Problems of Morpheme Classes. *International Journal of American Linguistics*, 1957, vol. 23, no. 3 (jul.), p. 119–128. DOI 10.1086/464406

Ryabov V. N. Russkie intrazykovyye lakuny (formal'no-semanticheskiy aspekt). Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 1997, 42 p. (in Russ.)

Saussure F. de. Kurs obshchey lingvistiki. In: Saussure F. de. Trudy po yazykoznaniiyu. Moscow, Progress, 1977, p. 7–285. (in Russ.)

Shmelev D. N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki. Moscow, 1973, 244 p. (in Russ.)

Stolyarova E. A. Sushchestvitel'nye. In: Razgovornaya rech' v sisteme funktsional'nykh stiley sovremennogo russkogo yazyka: Leksika. Saratov, Saratov State Uni. Press, 1983, p. 21–48. (in Russ.)

Tesniere L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. Moscow, 1988, 656 p. (in Russ.)

Testeleys Ya. G. Refleksivizatsiya i tipologiya anafory. In: Tipologiya grammaticheskikh kategoriy: Tez. dokl. Vsesoyuz. nauch. konf. Leningrad, 1991, p. 47–48. (in Russ.)

Valgina N. S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: Uchebnik. Moscow, 2000, 416 p. (in Russ.)

Vezhbitskaya A. Russkiy yazyk. In: Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznaniye. Moscow, 1997, p. 33–88. (in Russ.)

Vorotnikov Yu. L. Stepeni kachestva v sovremennom russkom yazyke. Moscow, 1999, 281 p. (in Russ.)

Yantsenetskaya M. N., Lebedeva N. B., Grushko N. E. et al. Semanticheskie voprosy slovoobrazovaniya: Znachenije proizvodnyashchego slova. Tomsk, 1991, 272 p. (in Russ.)

Zaliznyak A. A. Russkoye imennoye slovoizmenenie. Moscow, Nauka, 1967, 370 p. (in Russ.)

Zemskaya E. A. Sovremenny russkiy yazyk. Slovoobrazovanie. Moscow, 1973, 304 p. (in Russ.)

Zolotova G. A. Sintaksicheskiy slovar': Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa. Moscow, 1988, 440 p. (in Russ.)